

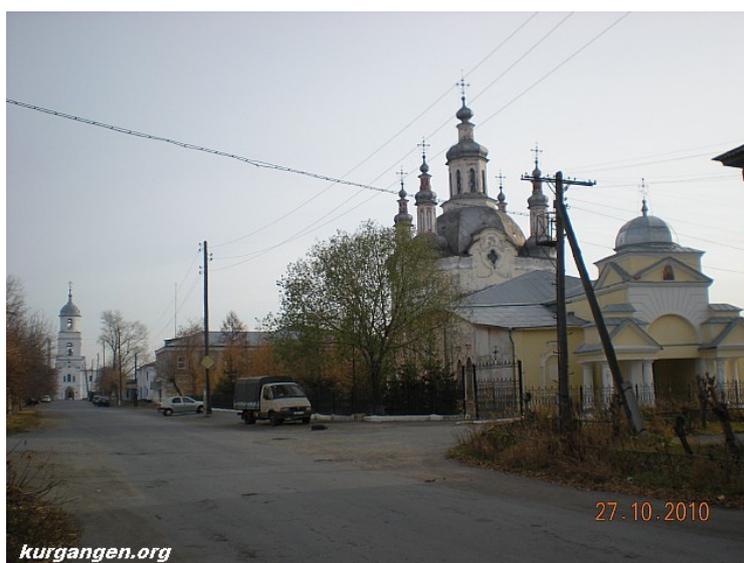
[Главная](#) » [История религиозных конфессий в Южном Зауралье](#) » [Милицины](#) » Крепки соловецкие стены. Священник Виталий Милицин и его испытания

Крепки соловецкие стены. Священник Виталий Милицин и его испытания

Вера не угасает

Главной церковью Шадринска был, бесспорно, Спасо-Преображенский собор. Прихожан умилял иконостас, написанный в императорской Академии художеств. Главной святыней храма была частица мощей Святого Праведного Симеона Верхотурского чудотворца.

20-е годы – пожалуй, самый сложный период в истории российского православия. В столицах произошел раскол, апологеты обновления объявили о поддержке советской власти и изменении церковных канонов. Они вошли в резкое противостояние со сторонниками патриарха Тихона, который и советскую власть принял не сразу, и церковные устои менять не собирался. Раскол докатился и до провинции. Спасо-Преображенский собор был отдан обновленцам.

На фото справа Свято-Преображенский собор, вдали Никольский храм, 2010 год.

Прихожане и священники Никольского храма поддержали патриарха Тихона. В начале сентября 1927 года при храме состоялось заседание церковно-приходского совета, где священники и члены религиозной общины решили отметить праздник прославления мощей святого Симеона Верхотурского в Никольской церкви. Они условились также разослать приглашение по сельским церквям.

Симеон Верхотурский был особо почитаем в Пермской епархии, ведь он здесь и прославился. От Шадринска до Верхотурья чуть более 300 верст. День перенесения мощей святого из села Меркушино в Верхотурский монастырь отмечается 12 сентября старого стиля. Обычно в Шадринске в этот день служба велась перед ковчегом с частицей мощей, который выносился на середину собора. На сей раз у ревнителей благочестия частицы мощей не было, но это их нисколько не смутило. Они объявили, что благодать перешла из собора в Никольский храм. Для участия в празднике по сельским приходам были разостланы специальные приглашения. Такие же приглашения священники разослали и на этот раз.

И вот, 25 сентября по новому стилю к Никольской церкви из близлежащих деревень стали стекаться верующие. На окраинах их встречали верующие из города и указывали путь, куда идти.

Праздник получился значительным. Собралось более 1000 человек – как никогда за последние годы. Литургию вели четыре священника Никольской церкви, в ней принимали участие и батюшки из двух соседних храмов. По окончании ее, в частном порядке они говорили: «Вера не угасает. Смотрите, сколько сегодня было молящихся – больше тысячи. Скоро, скоро конец нашему унижению, насилиям над верой. Вот всегда надо собираться так, чтобы нас было больше, как сегодня». В это же время в Спасо-Преображенском соборе проходила самая обычная литургия, на которой присутствовали 40 – 50 человек.

Праздник получил большой резонанс в округе. Во многом – благодаря странникам-монахиням Аполлинарии, Марфе, Анастасии, Доминике и Татьяне. Уполномоченный следственного отделения Шадринского окружного отдела ОГПУ Н. Буркин записал: «Монашки действовали ловко – когда возникло дело, их в округе уже не стало, они перекочевали...» Тут, как говорится, с больной головы да на здоровую. Странницы посетили Шадринск в сентябре 1927 года, а дело было заведено аж в феврале 1928-го, то есть после большой паузы. С чего бы монахиням оставаться на зиму в этих неприветливых краях? Словом, чекисты, к своему конфузу, никого не нашли и довольствовались только показаниями далматовских священников. И тут уж они манипулировали протокольными записями, как хотели.

«Результат таких внушений не замедлил сказаться: по многим селам и деревням распространились и поползли слухи о неизбежной войне, о конце соввласти, об интервенции из-за границы и т. д.»

В ОГПУ попытались приземлить мотивы священников: мол, они созвали верующих «решив подзаработать». Сейчас, за давностью лет, невозможно достигнуть стопроцентной точности. Однако, похоже, что со стороны священников праздник святого Симеона Верхотурского был своего рода демонстрацией. Они убедились сами и дали понять властям, что вера в народе жива, несмотря на гонения на церковь.

Удивительно, что власти не сразу среагировали. Однако нависший над строптивыми священниками молот, призван был с полной неизбежностью их уничтожить.

Назову имена людей, не сдавшихся под богоборческим давлением власти. Это настоятель храма протоиерей о. Виталий Милицин, священники этого же храма протоиерей о. Павел Фаворитов (53 лет), протоиерей о. Александр Буткин (48 лет), протоиерей о. Павел Писарев (43 лет), настоятель церкви Флора и Лавра протоиерей о. Иван Суставов (44 лет), священник Владимирской церкви протоиерей о. Андроник Гирский (50 лет).

Следствие вели...

30 января 1928 года комиссия под председательством начальника окружного административного отдела Власова и шадринских врачей побывала в Спасо-Преображенском соборе. Предметом ее внимания были мощи святого Симеона Верхотурского. «Мощи помещались в особом ларце перед иконой названного святого. Коробка эта именуется ковчежцем. Длина коробки-ковчежца 26 сантиметров, ширина – 12,5 и высота – 8,5 сантиметра, из серебряного с позолотой материала...», - сказано в акте осмотра. Ковчежец был вскрыт в присутствии настоятеля собора о. Вячеслава Успенского, священников Никольского собора о. Виталия Милицина, о. Павла Фаворитова и о. Андроника Гирского.

Далее комиссия глумливо записала: «по виду установить невозможно, человеку или животному принадлежит эта кость, равно как нельзя сказать, к числу каких частей скелета относится часть этой кости...» Следствие, не мешкая, сделало вывод, что «церковники» вводят верующих в заблуждение.

Всех священников заключили под стражу. 14 февраля 1928 года начальник Шадринского окружного отдела ОГПУ выдал своему сотруднику В. Орлову ордер на арест гражданина Милицина Виталия Степановича и обыск в его квартире по улице Троцкого, 79. Следователь знал, что протоиерей служит в Шадринске с 1923 года, сюда он был переведен из Челябинска. Ничего крамольного при обыске найдено не было, и чекисты на всякий случай изъяли записную книжку и несколько писем.

На допросе о. Виталий Милицин категорически заявил: «Никаких антисоветских слухов и агитации я не вел. Всегда был по отношению к соввласти лоялен и корректен. Проповеди мои, которые я часто говорю, также ничего антисоветского не содержали». Не признали за собой вины и другие священники.

10 августа 1928 года особое совещание при коллегии ОГПУ приговорило во внесудебном порядке всех шестерых священников к заключению в концлагерь сроком на три года. Из Екатеринбурга их повезли сначала в Москву, в Бутырскую тюрьму, а затем в самое известное в стране место заключения – Соловецкий лагерь особого назначения.

20 февраля 1931 года срок заключения священников истек. 25 числа Буткин и Милицин были отпущены на свободу. А три дня спустя особое совещание ОГПУ извлекло из архива дело трехлетней давности и постановило Буткина, Милицина, Фаворитова и Суставова выслать еще на три года в Северный край, то есть в республику Коми. Пришлось чекистам искать о. Александра и о. Виталия по месту их жительства – в Шадринске.

3 ноября 1932 года президиум Шадринского горисполкома принял решение просить президиум райисполкома ходатайствовать перед облисполкомом о закрытии городских церквей, оставив для нужд верующих одну лишь Кладбищенскую. Народные избранники позаботились и о том, как распорядиться культовыми зданиями: Князе-Владимирскую отдать под общежитие студентов педагогического техникума, Флоро-Лаврскую – под механические мастерские зерносовхоза, единоверческую Свято-Троицкую – под пионерский клуб, а собор разобрать, поскольку он, якобы, обветшал на 70 процентов. Хорошо, что не поднялась тогда рука у атеистов на православную святыню. Архитектурная и культурная ценность собора была признана советской властью при гонителе православия Хрущеве: именно тогда он был отнесен к числу памятников республиканского значения.

Размеренная жизнь

Виталий Милицин происходил из сельской интеллигенции. Он родился 10 марта 1868 года в с. Воскресенском Челябинского уезда Оренбургской губернии в семье священника Степана Федоровича Милицина. Это – недалеко от с. Куртамыш. Окончил Тобольскую духовную семинарию в 1889 году и до 1897 года работал преподавателем и воспитателем в Челябинском духовном училище. Его братья выбрали православную стезю: Василий служил священником в Камышловском уезде, Александр – псаломщиком в Куртамыше.

Валентина Витальевна, вспоминала в Опалихе в 1981 году о родительской семье: «Отец его был тихого, спокойного нрава, кроткий, приветливый. Мать, Анна Федоровна, наоборот, вспыльчива, крутого нрава, тоже добрая, заботливая. Дети вышли характером, частью в отца, (старший Андрей, Николай), а остальные в разной степени – в мать, особенно мой отец. "Орловщина", как характер. Мать лечила все село. Там не было ни фельдшера, ни врача, ни больницы. И умерла, принимая роды у бедной крестьянки в нетопленной избе. Она сняла с себя шубу и накрыла роженицу, а сама заболела воспалением легких и умерла, будучи нестарой, сильной женщиной. Своих родителей братья и сестры горячо любили и уважали.

Отец окончил Тобольскую семинарию с богословским, философским классами. Рассказывал много и интересно о порядках в семинарии, а рассказчик он был талантливый. Очень хорошо пел, знал много современных романсов – Глинки и других современников. Был очень культурным, знающим, грамотным, знал современную литературу. После окончания учебы его послали в духовное училище в Челябинск. Священником он не хотел быть... Женится на моей матери, когда ей только что исполнилось 16 лет, ему же было уже 29. Мать окончила Епархиальное училище в Оренбурге и была учительницей в школе в Челябинске. Она осталась 3-х лет круглой сиротой. После женитьбы отец почему-то передумал... и стал священником. Его назначили в с. Куртамыш (в Петропавловскую церковь – А. К.) Я родилась до этого, в Челябинске, а остальные – в Куртамыше.

Виталий и Антонина Милицины

Детство мое было очень радостное. Дом у нас был очень хороший, новый, поместительный. Строили его под руководством отца. Кухня, передняя, столовая, из нее ход в спальню родителей, детскую, в зал, а оттуда – в кабинет отца и переднюю, а там выход на террасу во всю длину дома, выход на улицу "парадный", второй выход в сад, насаженный отцом, где мы играли в "клетки", стряпали, кукол кормили, а на террасе устраивались детворой спектакли. Очень любили это. Сами сочиняли пьесы. Третий выход – во двор...

Приходили соседские ребятки, которых отбирал отец, играли всегда во дворе: в "чижика", в лунки, в "городки", в лапту. Двор был большой, кругом застроенный – "завозня", где царил паренек Ванюшка, наш дружок. Он умел делать корзины из корней сосны и нас учил... Помню: конюшня, коровник, погреб, сарай, баня. Над конюшней и сараем на жердяном потолке сушилось сено для коровы и Гнедка и неслись куры. Брат Владимир был "куриным" старостой. Очень интересно было по трясущимся жердям лазать искать яйца. А оттуда – прямой путь на крышу и по крышам вокруг всего двора. Не падали, не разбивались, а росли ловкими и здоровыми...

Жизнь была строго размеренная. Утром – уроки, потом обед, прогулка в садике, потом приготовление уроков и потом чай и до ужина – свободное время. Обычно ходили по кругу в большой комнате и пели. Все были голосистые, песен знали много (ведь все из семейств духовенства, где все поют). Это были самые приятные минуты, когда за нами никто не наблюдал. У многих были прекрасные голоса...

У нас не было таких случаев, чтобы кто-либо без спросу брал вещи (увы, кроме конфет!)... Наказывали нас за провинности, посадив в кресло среди гостиной. Было очень стыдно, когда приходили гости, а нам нельзя было встать. Брат Николай, маленький еще, грозился бабушке: "Вот вырасту, тоже посажу тебя в кресло"...

У нас всегда был кучер, стряпка, няня и иногда девушка-горничная. Ребят было много, мать всех обшивала, а содержать "прислугу" было нетрудно. Плата им была от 4-х руб. (кучер), до 2-х – девушке. Женскую прислугу брали из с. Воскресенского, откуда родом отец. Там ребята были в детстве – выгоревшие блондины, а потом превращались в жгуче-черных цыган.

Я помню, как к нам привезли девушку лет 15-16, Полю. Очень красивую, с точеным горбоносым личиком, пламенными черными глазами, бровями как нарисованными, в голубом русском сарафане в белых "рукавах". Эта Поля жила у нас много лет, очень любила нас, ребят, особенно Степана, а он ее называл мамой и был такой же черноглазый, как она. Потом Поля привезла такого же красивого братишку...

Праздники очень торжественно праздновались. Перед пасхальной заутреней нас укладывали под вечер спать в детской, закрыв ставни. Спать не хотелось, шалили, а потом засыпали. В 11 часов ночи нас будили, одевали во все чистое – белье, платья и рубахи (ребятам) и вели к заутрени. Под ногами похрустывал ледок, зевали, а потом попадали в церковь, откуда выходил крестный ход. Он обходил вокруг церкви, возвращался в церковь, и начиналась торжественная пасхальная заутреня. Море свечей. Вся служба – песнопения: красиво, торжественно.

После христосовались, возвращались домой, а там уже был накрыт пасхальный стол – белая скатерть, глазированные куличи, крашеные яйца, которые мы накануне красили в разные цвета, пасха, телятина и др. После поста, хотя для нас и не изнурительного, всего давали понемногу. Вначале "святили" еду, а до этого не разрешали есть "скоромное". Под подушку и на Рождество и на Пасху клали для нас подарки. И так было многие годы, пока была в

родительском доме, до 18 лет. В праздники – Рождество, Пасху – в первый день являлись визитеры. Мужчины, минуто посидев в гостиной, подходили к огромному столу у стены, заставленному в известном порядке куличами "бабами", батареей вин (без водки), блюдами с окороком, индейкой, гусем, маслом в виде кудрявого барашка, пасхами: сыро-творожной, вареной, шоколадной и т.д. – "пропускали" рюмочку вина, наскоро, стоя закусывали и "летели" в другие дома. Надо было всех знакомых поздравить. На другой день ездили с визитами дамы. Ну а нам, без родителей было раздолье – изображали "визитеров", пробовали всякие закуски. Было весело...

А еще помнится, как ездили на пикники в лес, поднимались в гору, через луг, в лес. А там, в приятной компании родителей друзей – Кульчицких (нотариус), учителей, Александра Андреевича, поклонника матери, сына купца-мануфактурщика, весело проводили время. Каждый привозил что-то вкусное, варили, жарили пирожки с яйцами и зеленым луком (это непременная еда на пикниках), лазили на деревья. Лучше всех лазил отец. Ну, а за ним все остальные, по мере сил. Спиртного никогда не было. Обрато ехали уже поздно. И так страшно было спускаться с крутой горы прямо на мост через реку. Гнедко ни разу не разнес. Но он никогда не позволял обгонять себя другим лошадям.

Вспоминается, как часто к нам приходили на "огонек" зимующие у нас артисты-украинцы. Ели арбузы, которые присылал к осени дядюшка Андрей Степанович из станицы Звериноголовская, где у него была бахча арбузов и дынь. Присылали большой воз. Ели, засаливали, хватало на всю зиму.

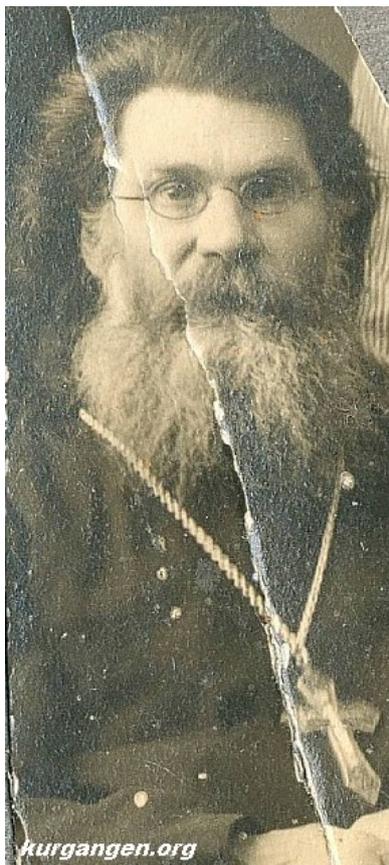
В Куртамыш приезжал к своей сестре Валечке, учительнице, ее брат, артист, солист Большого театра в Москве – Николай Васильевич Мурин. И вот они – мой отец, его сестра Анна Степановна, Мурин и его сестра пели у нас. Я была невелика, но запомнила этот концерт. Потом Мурин отравился – совсем молодой был (говорят, из-за трагедии с женой). Он был на первых ролях в Большом театре, пел те же партии, что Пирогов, Шаляпин. Я потом читала о нем в мемуарах Нежного.

Через Челябинск всегда ездили в Сибирь на гастроли столичные артисты, певцы. Останавливались у нас. Например, я слышала известного тенора Андрея Лабинского. (Он учился в Тобольске, как и мой отец и они вместе пели в архиерейском хоре), Агреневу-Славянскую с ее хором. Ни одного оперного спектакля я не пропустила. Мне всегда отец давал денег на все оперные спектакли. Покупались сразу ученические (стоячие) билеты по 50 коп. А на концерты он всегда меня брал с собой. Он сам хорошо пел, много знал романсов, знал серьезную музыку, больше всего любил Бетховена. Узнавал его музыку по первым тактам (даже в моем далеко не артистическом исполнении). Музыка я очень любила и приучена была ней с детства. Очень хорошо играла моя двоюродная сестра Нюся, курсистка-бестужевка, рано умершая от туберкулеза. У нее отец купил для меня пианино Шрейдера когда мне было 8 лет. Нюся у нас часто гостила и играла много. Отец часто пел современные романсы и арии из опер Чайковского, Глинки, Даргомыжского, Гурилева и др. У него были переписаны его дивным почерком ноты и переплетены в толстый том.

Украинцы, оперные (вернее опереточные) артисты, были здесь каждое лето. Жилось им, конечно, не сладко. Очень дружили с отцом. Помню, фамилия режиссера была Дорошенко. Часто ходили на спектакли. Отец смотрел из-за кулис. Они очень хорошо пели и танцевали.

Отец очень дружил с режиссером-антрепренером Дорошенко. Тот ему подарил маленькие фарфоровые фигурки. Помню две: мальчик и бюст женщины с высокой прической. В них наливались сверху духи, надавливали резиновый сосок, когда надавливали, то из отверстия струйкой лились духи».

В 1911 году о. Виталия Милицина перевели в г. Челябинск настоятелем Троицкого храма. «В Челябинске мы жили в 4-х местах. Сначала дом на 2-й Береговой, в 1913 г. Туда не сразу переехали всей семьей. Дом был пустой. Я жила с отцом. Помню в столовой стоял только обеденный стол, и мы с Шурой Игумновым прыгали с него, воображали, что летим... Он часто приходил к нам от Рымкевичей, где жил.

Священник Виталий Милицин

Там в первый раз я стала сажать цветы в палисаднике. Помню, была круглая клумба с чудесными белыми астрами "страусово перо". Тетя Анна Степановна похвалила меня, сказав, что даже у нее не было таких чудных, крупных астр.

Потом мы жили на площади при церкви, которую расписывали под руководством отца Васнецовскими картинами. Было очень красиво. Но ходить в церковь я ленилась. Одно было утешение, что когда я выходила из дома в старших классах гимназии, когда мне было 16-17 лет, из дома на той же площади выходили братья Стрелецкие, очень красивые молодые люди, любители поухаживать. Ну, конечно, дальше паперти в церкви мы не пробирались. И когда утром я шла в гимназию, меня частенько догонял старший Стрелецкий, Николай Николаевич. Он хорошо рисовал и подарил мне два красивых пейзажа масляными красками.

В этом доме был небольшой садик с большими тополями в углу, где я готовила уроки. А на клумбах сажала цветы. Братья помогали копать, за что я им покупала пирожки (по 2,5 коп. – круглые, вкусные).

Там мне было поручено заведовать библиотекой. Отец выписывал "Ниву" с приложениями. Библиотека была обширная. Книги все переплетены. Никем не зачитывались. Я сама выписывала себе от Вольфа прекрасно изданные книги, детские: Веры Желиховской ("Князь Илико"), Лидии Чарской "Княжна Джаваха" и др., про Дурову. Кроме того, каждый год, как

отличница, получала в награду прекрасно изданные книги. Чтением руководил отец. Читала подряд все тома каждого писателя. Причем отец говорил, что некоторые еще рано читать. Я его слушалась. Но модную тогда Анастасию Вербицкую читала контрабандой ("Ключи счастья")».

Искушение революцией

Валентина Степановна не могла не знать об идейных воззрениях отца. «Вообще он сочувствовал революционно настроенным людям. В Куртамыше, как я после поняла, у нас в доме был пункт, где отец помогал бежавшим из ссылки. Было несколько случаев, которые я помню. Когда являлись чужие люди, ночевали у нас переодетые в одежду отца, в виде монахов собирающих деньги на монастыри, отправлялись дальше. Мать очень боялась их, называла их "каторжниками", думала, что это уголовники, "разбойники", запиралась от них (они всегда ночевали в зале) и плакала, просила отца, чтобы он больше их не пускал. Он же только смеялся и успокаивал мать, но правды она не знала. Потом, через много лет, она мне об этом рассказала».

Свое отношение к носителям передовых идей о. Виталий Милицин сохранил и в Челябинске: «Третья квартира была снята у нашего законоучителя о. Дмитрия. Это был большой деревянный дом, не очень теплый, но с отдельными комнатами для меня, для моих братьев (старших), спальней для родителей, столовая, большой проходной зал с "парадным" выходом, где стоял отцовский кабинетный стол и мое пианино. Там читали студенты, Нюсины друзья, политические. Тогда я очень много занималась музыкой. Часто в зале собиралась студенческая молодежь, кружок моей двоюродной сестры Нюси. Мне туда не разрешали ходить. Об этом их просил мой отец.

Они же занимались чтением и горячо спорили. Как я узнала позже, это был революционный кружок. Отец предоставил им место для сборов, неопасное для них, но запретил мне там быть».

А затем пришло время реализации этих идей на практике. Поначалу все напоминало праздник: «Сразу, при реорганизации управления гимназией, я тоже попала в школьные организации: я была председателем классного комитета, зам председателя школьного комитета, делегирована в общегородское школьное управление.

Забавно было, при совместных собраниях школьного преподавательского и родительского комитетов, быть и мне от учащихся вместе с моим отцом. (Он был гласным Городской думы).

В этом году, 1917, была революция. В Челябинске она прошла спокойно. Правда, чувствовалось что-то новое, бодрое. На 1-е Мая мы участвовали в общей манифестации. Готовили флаги, плакаты.

Перед 1-м мая я, как член комиссии, должна была с другими приготовить плакат. Но этим все были озабочены, и у нас ничего не получалось. Пошли в типографию газеты просить напечатать на красном полотне лозунг (какой – не помню). Отказали. Вдруг подходит невысокий блондин с хорошими голубыми глазами. Поинтересовался, что нам нужно, чем огорчены, и распорядился выполнить нашу просьбу. Оказалось, что это Цвиллинг Самуил, большой человек, коммунист. Он взялся нас направлять на путь праведный. Потом он был зарублен белогвардейцами на фронте. А он был в руководстве Кр. Армии, действующей на Урале. В Челябинске Народный дом назван его именем. Манифестация была грандиозная, но для нас это было просто происшествие. Не для всех, конечно. Так как среди учащихся

молодежи были настоящие идейные партийцы, например, Юрий Либединский, коммунист, комиссар Красной Армии в гражданскую войну, а потом известный писатель. Он похоронен на Новодевичьем кладбище, на новой территории. Братья Силины, тоже коммунисты, один из них погиб от белогвардейцев, кажется, Сергей. А мы просто играли в новую игру. Правда, с большим воодушевлением...»

Воодушевление кончилось, когда пришла печальная весть из г. Камышловского уезда: 25 июня 1918 года был убит священник церкви с. Алексеевского Василий Степанович Милицин.

Благодарность Богу

Протоиерей о. Павел Фаворитов родился в 1875 году. Он был самым образованным среди шадринских священников. Окончил Уфимскую семинарию, а потом Казанскую духовную академию. Обладая музыкальными способностями, играл на нескольких инструментах, пел баритоном. В Шадринском реальном училище он преподавал философию и закон Божий. Он оставил родственникам впечатление о Соловецком лагере: "Нигде я не встречал стольких замечательных людей, я не знал того, что узнал там. Я благодарен Богу за Соловки".

И лишь на первый взгляд его слова кажутся парадоксальными. Священник, скорее всего, имел в виду, что ему представилась возможность испытать силу собственной веры и пострадать за нее. Что же касается умных, образованных, интеллигентных людей, то на Соловках в то время их было в избытке. Приведу несколько имен – митрополит Агафангел (Преображенский), архимандрит Вениамин (Кононов), иеромонах Никифор (Кучин), епископ Аркадий (Остальский). Каждый из них заслуживает отдельной главы в истории русской православной церкви XX века.

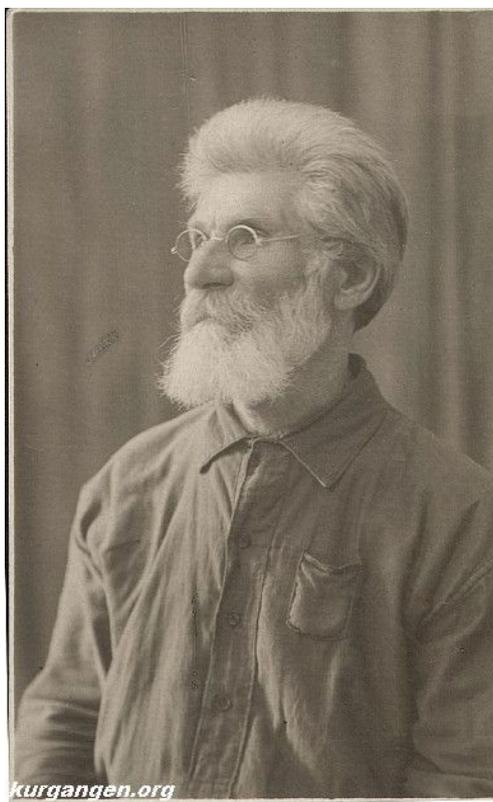
А вот часть списка, в котором значатся и ссыльные шадринцы: «...Флоренский Павел Александрович, Малухин Тимофей Ильич, Гирский Андроник Федорович, Буткин Александр Григорьевич, Милицин Виталий Степанович, Суставов Иван Павлович, Фаворитов Павел Михайлович...». Да, великий русский православный философ и энциклопедист Павел Флоренский находился на Соловках в то же самое время, делил с нашими земляками кров и общался с ними. Известно, что о. Виталий Милицин значился в 1 отделении 14-й роты. Из лагеря 29 марта 1929 года он направил прошение: «Так как предъявленное мне обвинение приурочивается к 25 октября 1928 года, т. е. до времени октябрьской амнистии этого года, сим позволяю себе обратиться в ОГПУ с просьбой, не найдет ли коллегия возможным применить ко мне амнистию, сократив срок моей высылки в Соловки по своему усмотрению, – тем более, что, по совести, никакой вины против Советской власти за собой не знаю и долгом гражданской порядочности никогда не пренебрегал». В коллегии ОГПУ на прошение ответили резолюцией: «Принимая во внимание его антисоветскую деятельность, удовлетворение ходатайства ... нежелательно».

В это же время на Соловках отбывал свои три года писатель «из бывших» Олег Волков. В своей знаменитой книге «Погружение во тьму» он рассказал о своих наблюдениях: «В кладбищенской церкви святого Онуфрия регулярно отправляли службы немногие оставленные на острове монахи. В двадцать восьмом году еще разрешалось заключенным – духовным лицам и мирянам – посещать эти службы...

- Думаю, настало время – говорил отец Михаил, – когда русской православной церкви нужны исповедники. Через них она очистится и прославится. В этом промысел Божий. Ниспосланное испытание укрепит веру. Слабые и малодушные отпадут. Зато те, кто останется, будут ее опорой...

Службы в Онуфриевской церкви нередко совершало по несколько епископов. Священники и дьяконы выстраивались шпалерами вдоль прохода к алтарю. Сверкали митры и облачения, ярко горели паникадила... В двух хорах пели искусные певчие – оперные актеры. Богослужения были приподнято-торжественными, чуть парадными. И патетическими. Ибо все мы в церкви воспринимали ее как прибежище, укрывающее от врагов».

25 февраля 1931 года шадринские священники дождались освобождения, но уже через три дня особое совещание приговорило всех их к трехлетней ссылке в северный край. Протоиерей Виталий Милицин едва успел добраться до дома, как его ожидал новый конвой...

Последнее фото Виталия Степановича Милицина, хранящееся в следственном деле

Кончина

Жить священникам оставалось недолго. Протоиерей Павел Фаворитов скончался он от крупозного воспаления легких в Обуховской больнице Ленинграда 30 апреля 1935 года.

Андроник Гирский отбыл отбыл ссылку в качестве счетовода на Ключевской фабрике, нелегально жил в Москве, был арестован, за контрреволюционную агитацию приговорен к расстрелу и убит 17 февраля 1938 года.

Дальнейшая судьба Александра Буткина и Ивана Суставова неизвестна, но прожили они недолго.

Единственный, кто перенес все невзгоды и лишения концентрационного лагеря и северной ссылки и выжил – это Павел Александрович Писарев. Он, выпускник Пермской духовной академии, служил в Никольском соборе Шадринска с 1905 года. Тюрьма и ссылка не дались ему бесследно: на лесоповале о. Павел заболел туберкулезом. Получив освобождение,

предпочел держаться подальше от власть предержащих. Уехал к родственникам в город Алатырь. Лишь в конце войны, в 1944-м переселился в Выборг к дочери. Скончался в Ленинграде 21 марта 1970 года в возрасте 85 лет.

В 1991 году Курганский областной суд отменил постановления коллегии ОГПУ и особого совещания по делу шадринских священников за отсутствием в деле состава преступления.

Виталий Милицин был выслан в Усть-Куломский район Коми АССР, где и умер 16 июня 1933 года в 5 часов утра. В последние месяцы за ним ухаживала старушка, которая и написала его сестре Анне письмо о последних днях священника: «Великим постом на первой неделе читал Повечерие великое. Так хорошо все утишались его чтением. На страстной великую субботу пели «Воскресни Боже, суди земли, яко ты наследиле во всех языцех». Так хорошо, что и до сих пор вспоминают. И вот после Пасхи он стал очень упадать силами. На св. Николая приходил в церковь, но уже очень был слабый. Я ему даже не советовала итти, так себя утомлял. Но он сказал: я очень люблю св. Николая, и ради него соберу последние силы и схожу. И это было последнее его хождение в церковь.

Посылочки все сам разбираю и радовался, говорит: теперь я оживу. Одно время я прихожу к нему, он и говорит: «Матушка, я опять обеднял». Я говорю: «Батюшка, а почему?» «Много страждущих и голодных, тому дай, – и все раздал». Я говорю: «Батюшка, так нельзя, вы всех не поддержите, а себя опять оставите». Человек это был такой добрый и нестяжательный. Когда умер, то приходили и плакали. Всем, бывало, подаст. Хозяйка говорит, сколько раз видела: насыплет круп в бумажки и раздает. И когда умер, у него ничего не было, только одна манка да немножко, с чашку, пшена. Вот какой был батюшка нищелюбивый, «блажен милующий яко тии помилованы будут».

Дорогая Анна Степановна, теперь я вам опишу его кончину. Во время болезни ему захотелось причаститься. Я позвала одного очень хорошего протоиерея, которого батюшка очень уважал. Это было в четверг. Батюшка пришел со Святыми Тайнами. Батюшка так был рад. Исповедовался очень долго, и после причастия выпил два стакана чаю. Я стала его поздравлять, целую ему ручки, а он, как всегда, меня в лоб, и говорит: «Как я, матушка, рад, поисповедался и причастился. Спасибо, что вы так все устроили». И я так была рада, и батюшка говорит: «Но теперь, да будет воля господня, я на все готов». И в этот день он ничего не кушал, только одно кипяченое молоко. Квартира его была очень спокойная, хозяин это время был в больнице за двести верст, а хозяйка на работе целый день. А придет – она уходила в другую хату, и мы были только вдвоем.

Ночь под пятницу лежал спокойно. Утром зовет меня... и говорит: «Матушка, как я кушать хочу». Я говорю: «Батюшка, что вам дать?» Он говорит: «Молочка». Я дала стакан, он весь его выпил и опять лег. И все говорит: «Господи, помоги мне». Зовет меня: «Матушка, утри мне на лице пот». Я взяла полотенце, все его личико вытерла. Лежал он на левом боку, потом повернулся навзничь и стал кончаться. Я вижу: глазки стали мутными, дыхание реже, – и уснул навеки.

Я зажгла свечку, положила двенадцать поклонов. И так тихо скончался, а главное, до самой смерти был в полном сознании. Я так много плакала, вас всех призывала. Разбудила хозяйку, раздели его, лежал такой хороший, маститый пастырь, страдалец. Хозяйка сказала, за одеяло сделают гроб и свозят на лошади на кладбище... Схоронили – отдельная могилка, убрала сосенками, поставили скудный крест. Хожу на могилку на дни, двадцатый день пою панихидку, поплачу...».

Анатолий Кузьмин.